

Окончание.
Начало в «РМ» №4182.

Александр Парнис

«Мы живем в очень странном скрещении миров иных...»

История переписки с Б.К.Зайцевым

А тогда, в 1963 г., Зайцев вряд ли мог себе представить, во что обойдется советскому писателю внимание к нему партийных органов, и закончил свои записи словами: «Желать тернового венца отсюда, из мест безопасных, не так-то удобно... Дай Бог младшим собратьям за рубежом такого изменения в жизни в стране российской, чтобы не было надобности ни в подхалимстве, ни в терниях». И в качестве литературного примера привел утешительные слова Достоевского, сказанные юному Мережковскому: «Молодой человек, чтобы писать, страдать надо».

В 1967-1968 гг., когда как будто наступило некоторое затишье (если, правда, не считать нового дела, которое возникло в связи с обвинением Некрасова в «организации массового сионистского сборища» в Бабын Яру в Киеве в сентябре 1966 г.), Зайцев через меня, а потом и лично несколько раз приглашал Некрасова в Париж.

Что же могло заинтересовать Зайцева в Некрасове? Вероятно, не только его честная книга о войне и лице, увиденное на фотографии в одной из книг, но и сама личность писателя, «располагающая душа» младшего собрата по цеху, его жизненное поведение, легкость и открытость характера, менталитет, как теперь бы сказали, — таким мог представить его Зайцев по книгам. Но, увы, встретиться писателям не довелось. Некрасов смог приехать в Париж только осенью 1974 г., когда его «выдворили» (по его же слову) в эмиграцию, — через два с половиной года после смерти Бориса Константиновича. О своем посещении могилы Зайцева на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа вскоре после приезда Некрасов упомянул в книге «По обе стороны стены».

В биографических совпадениях и пересечениях Зайцев видел что-то мистическое и не раз писал об этом, например, в письме Л.Назаровой от 28 января 1964 г.: «Мы живем в очень сложном скрещении миров иных — всяких невидимых волн и течений». Так, он вспоминал, что небольшая «мелочь» — его день рождения совпал с днем рождения Б.Пастернака — послужила толчком для начала их переписки (оба писателя в последние годы жизни близко сошлись).

Примечательны и другие «странные» пересечения.

В автобиографическом рассказе «Революционная пшеница» (1931) Зайцев описывает, как в годы гражданской войны местные власти изъяли у него притыкинскую библиотеку, в том числе и книги

на французском языке: «...народ жаждет просвещения». Местный комиссар на требования писателя о возврате книг отвечал: «Хотя бы сам Карл Маркс пришел и потребовал — не отдам. Пускай расстреляют, наплевать». Б.Зайцев с помощью различных «грозных» мандатов, добытых у самого Л.Каменева, все же отвоевал назад свою библиотеку. Такая же история повторилась через полвека — на этот раз не только с книгами, но и с письмами Зайцева.

17 января 1974 года у Некрасова в его киевской квартире был проведен обыск, который длился около 42 часов. У писателя изъяли рукописи, книги, фотографии, старые газеты, журналы, альбомы и письма — всего семь мешков. Среди них, как сообщает Некрасов в статье «Кому это нужно?», подробно описывавшей акцию КГБ и переданной по радио «Свобода» (она была напечатана во многих странах), были и книги Зайцева с дарственными надписями автора. Попали ли в эти мешки письма Б.Зайцева и вернулись ли к адресату, я не знаю.

В этот же день у меня (в квартире моих родителей в Киеве) тоже был произведен обыск. Я услышал об этом в Москве, где тогда находился, по радио «Свобода». У меня изъяли не только «клеветническую» литературу, но и всю мою переписку — около 3 тысяч писем, преимущественно связанную с собиранием воспоминаний о Хлебникове. Среди них письма от эмигрантов первой волны: Д.Бурлюка, И.Зданевича, Г.Адамовича, Ю.Анненкова, Ю.Терапиано, Н.Габо, С.Шаршуна, С.Прегель, Н.Резниковой, Н.Кодрянской и других, в том числе и письма от Б.Зайцева (книги, которые он мне посылал, вообще не доходили). В протоколе об изъятии были разные курьезы: указывалась, например, машинопись неизвестного поэта на неизвестном языке (речь шла о стихотворении Рембо), и в то же время при обыске не заметили книгу Л.Троцкого «Литература и революция» (1923), так как она была без обложки и титульного листа.

Дальнейшее происходило почти как в рассказе Зайцева «Революционная пшеница». Со мной вежливо разговаривали, но не возвращали ни книг, ни писем. Я написал с помощью Павла Литвинова (а он был дока в таких делах) письма-протесты в прокуратуру, осуществлявшую надзор над КГБ. Они вернули часть изъ-

ятого, но, к сожалению, не всё. В числе возвращенных писем оказалось только четыре публикуемых здесь письма Зайцева. Другие, если и сохранились, «затерялись» в архиве КГБ (теперь украинского). Публикуемые здесь письма, можно сказать, прошли двойную цензуру: перлюстрацию на почте и проверку на «лояльность» у кагэбешников.

Среди невозвращенных писем Зайцева было большое письмо, в котором он рассказывал о поездке в Италию в 1908 году, где он встретился со своим другом П.Муратовым, и желал мне тоже посетить Италию.

Когда я переписывался с Зайцевым, невозможно было себе представить, что я когда-нибудь смогу побывать во Франции и Италии. И уж совершенно не мог предположить, что буду писать статью о Зайцеве для «Русской мысли», где он много лет заведовал литературным отделом.

В свой последний приезд в Париж в феврале 1996 года, где я находился по приглашению Института рукописей, я жил на маленькой улице Массне, в нескольких шагах от улицы Пасси. В конце этой улицы есть кладбище, где я обнаружил склеп, в котором захоронена художница Мария Башкирцева — любимая героиня Хлебникова (ее дневник он очень высоко ценил). В отейско-пассийском квартале (К.Бальмонт называл улицу Пасси «парижским Арбатом») жила почти вся старая русская литературная эмиграция: З.Гиппиус и Д.Мережковский, И.Бунин, М.Осоргин, А.Куприн, А.Ремизов, К.Бальмонт, М.Алданов, И.Шмелев и другие. Здесь в разные годы жил и Зайцев, посвятивший этой улице роман «Дом в Пасси» (1935) и рассказ «Возвращение от всеобщей» (1950).

«Судьба загадочна, слава недостоверна», — любил повторять Зайцев слова Марка Аврелия, сказанные более двух тысяч лет назад. Теперь оба писателя — участник Сталинградской битвы и бывший член КПСС Виктор Некрасов и Борис Зайцев покоятся на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Может быть, это была та случайная неслучайность и то неожиданное пересечение,

которым сам Борис Константинович придавал особый и даже сакральный смысл.

При чтении впервые публикуемых здесь писем Зайцева следует иметь в виду, что в примечаниях приведены лишь те сведения, которые могут дополнить и уточнить то, о чем он вспоминал. Орфография и пунктуация приведены к современной норме.

1.

5, av des Châtelets, Paris (16)

26 февр. 1967.

Многоуважаемый Александр Ефимович, если встречаетесь с В.П.Некрасовым, будьте добры, передайте ему мое сочувствие по поводу кончины С.Н.Мотовиловой*, с кот. мы обменялись письмами, и она произвела на меня впечатление очень серьезной и «глубокой» женщины. Некрасову от меня привет и добрые литературные пожелания. Летом 66 г. моя дочь** была в России, заехала в Киев и хотела его повидать, но не смогла найти, к сожалению.

Что касается Хлебникова, я слишком мало его знал, кажется, он всего раз был некогда у меня в Москве***. (Более 40 лет тому назад!) Впечатление осталось от него хорошее — чудачище первосортный, но скромный, держался почти застенчиво, производил впечатление не совсем нормального психически (но ведь и кн. Мышкин тоже не отличался здравием какого-нибудь футболиста).

«Председатели земного шара» — да, у них был автомобиль с вывеской такой, они ездили на нем по Москве****, была на них минутная мода у правительства, и это разрешалось. Дальнейшая судьба Хлебникова Вам известна.

Фамилию Зданевича***** знаю, но ничего о нем здесь не слышал, это даже удивительно. Если ему не лень, пусть позвонит мне как-нибудь. Jas. 38-33. Встретимся, м. б., вспомним о Хлебникове побольше. (Помнится, Хлебников** приглашал меня к себе на литер. собрание*****), сказал:

— Приходите... будет очень учено... Вячеслав Иванов, Андрей Белый... — потом задумался и добавил негромко: — И очень похабно.

Почему? Я не уразумел. И причем тут Андрей Белый и Вяч. Иванов? Тоже не понял. (Но на собрание не пошел).

Вы очень молодой? Пишете стихи? Или занимаетесь литературоведением?

Во всяком случае — всего лучшего. Здоровья и бодрости.

Ваш Бор. Зайцев.

P.S. Если б Некрасов прислал старому хрену свою книжку, я был бы очень благодарен. И Вы не полнитесь, книжку ли, стихи, статью: я очень интересуюсь молодой литературой в России. К сожалению, отсюда книги доходят очень плохо к Вам.

P.P.S. Меня как-то спросила здесь дама: «А вы не были знакомы лично с Достоевским?» Ответил ей: «Нет, не был. Ро-дился в ночь, когда он умер».

* Тетя В.П.Некрасова С.Н.Мотовилова скончалась 28 ноября 1966 г. Запоздалая реакция Б.Зайцева на ее кончину объясняется, видимо, тем, что я несвоевременно сообщил ему об этом.

** Наталья Борисовна Зайцева-Соллогуб.

*** Вероятно, эта встреча состоялась весной 1918 г. — во время одного из приездов Б.Зайцева из Притыкина в Москву.

**** Ошибка памяти: речь идет о карнавале искусств в честь «Займа свободы», состоявшемся 25 мая 1917 г. в Петрограде, а не в Москве. В нем принимали участие и футуристы, разъезжавшие на машине с надписью «Председатели земного шара». Б.Зайцев узнал об этом празднике, вероятно, из газет или от кого-то из его участников.

***** И.М.Зданевич (1894-1975) — поэто-заумник, драматург; с конца 1921 г. жил в Париже.

***** Возможно, речь шла о собрании поэтов весной 1918 г. в гостинице «Метрополь» или, что менее вероятно, о другом собрании, которое состоялось через год — в апреле 1919 г. — и было связано с нереализованным проектом издания журнала «Интернационал искусства»; в нем, кроме левых поэтов и художников, должны были принять участие символисты Вяч. Иванов и Андрей Белый.

2.

5, av des Châtelets, Paris (16)

21 июня 1967

Многоуважаемый г. Парнис (а вот отчества своего не сообщаете, потому и выходит так холодно!) — письмо Ваше очень интересно и отчасти даже трогательно внутренним энтузиазмом. Видно, что Вас действительно и «глубинно» (как выразился бы Бальмонт) занимает писательская братия.

Книгу «В окопах Сталинграда» Некрасова получил, очень благодарю. Как раз начал сейчас читать Некрасова. Окончательно еще сказать не могу, но пока что проглядывает сквозь военные советские словечки лицо автора — располагающее. Об этих разных боях и отступлениях я не раз читал, а вот живой неповторимый облик человека-автора мне более интересен. Посмотрим. Если будет в Париже и соберется навестить меня, буду очень рад. Телефон наш: Jas. 38-33, пусть позвонит предварительно. Анненкова** хорошо знаю, а насчет японца и мировых юношей в первый раз слышу, но узнаю «коней ретивых», и это «весьма Хлебников».

Конечно, буду рад, если выйдет «Ватек» — это такие далекие воспоминания! Корректуру я держал в Риме, окно мое выходило на стену Аврелиана, за кот. знаменитая вилла Боргезе. (Вот, желаю Вам в Риме побывать).

Окончание на стр.12